

Дом напротив

Александр Линдер

18+

Александр Линдер

Дом напротив

«Автор»

2026

Линдер А.

Дом напротив / А. Линдер — «Автор», 2026

Дэвид Харпер возвращается в Лутон-таун — тихий городок, затерянный в лесах, — чтобы дожить здесь остаток дней со своим семнадцатилетним сыном Тоби. Через дорогу, в доме напротив, уже много лет сидит в инвалидной коляске человек в ковбойской шляпе. Дерек Бранс. Он ждал этого возвращения тридцать один год. Тридцать один год назад шестнадцатилетний Дерек увидел в лесу, как Дэвид убивает девушку. Он встретился с убийцей глазами — и убежал. С тех пор он готовился. Собирал газеты. Считал мёртвых. Двадцать три. Теперь у Дерекса есть план. И в этом плане главное место занимает сын. «Дом напротив» — мрачная история о том, что зло не рождается в лесу и не приходит из тьмы. Оно начинается на кухне, где отец бьёт мать, и с мальчика, который не может её защитить. О наследстве, от которого нельзя отказаться. И о выборе, который не спасает никого.

© Линдер А., 2026

© Автор, 2026

Александр Линдер

Дом напротив

ДОМ НАПРОТИВ

Эпиграф

Он не рождается в лесу, где темень и вой,
Не с ножа, не с петли, не с дурной головы.
Он начинается с кухни, где отец бьёт мать,
И с мальчика, который не может её защитить.

Глава 1. Дорога в тупик

Лес начался сразу за поворотом, и с этого момента казалось, что мир снаружи перестал существовать.

Тоби Харпер сидел на переднем сиденье, прижавшись лбом к стеклу, и смотрел, как сосны смыкаются над дорогой, будто кто-то медленно задвигает крышку гроба. Машина ползла по извилистому шоссе, и в свете фар стволы на секунду вспыхивали, как кости, а потом снова проваливались в темноту. Было ещё только три часа дня, но здесь, под пологом, стояла такая плотная тень, что Тоби невольно поёжился.

— Долго ещё? — спросил он.

Отец не ответил. Он вёл молча, как вёл всегда, обеими руками вцепившись в руль, глаза неподвижно устремлены вперёд. Профиль его в свете приборной панели был твёрдым, вырезанным, как на старых фотографиях. Дэвиду Харперу было сорок семь, но Тоби иногда казалось, что он родился уже с этим лицом — с плотно сжатыми губами и глубокой складкой между бровей, будто он всю жизнь решал одну и ту же задачу и так и не нашёл ответа.

— Ты говорил, тут красиво, — сказал Тоби.

— Тут и есть красиво.

За окном проплыло что-то тёмное, похожее на сломанную изгородь, и снова лес. Тоби хотел спросить, куда они, собственно, едут — но он знал. В Лутон-таун. В город, где родился отец и о котором он никогда не рассказывал ничего, кроме общих слов: «маленький», «тихий», «на отшибе». Тоби вырос в четырёх городах за девять лет, и каждый раз переезд был как смерть: сначала чемоданы, потом машина, потом лес или пустырь, потом новый дом, в котором пахло чужой жизнью. Он привык.

Мать осталась в Мэйсон-Фоллз. Точнее, она уехала раньше — в лечебницу, куда Тоби возили её два раза в год, и каждый раз она смотрела на него так, будто видела впервые. «Ты мой хороший», — говорила она. И всё. Дальше были сиделки, белые коридоры и запах хлорки. Отец никогда не говорил, почему она там. Говорил только: «Болеет. Так бывает».

Дорога вильнула, и лес расступился.

Сначала показались крыши — бурые, под черепицей, с трубами, из которых не шёл дым. Потом — главная улица: аптека с выцветшей вывеской, магазин скобяных товаров, церковь с косой крышей, утопающая в бурьяне. Ни одного человека. Машина проехала мимо, и Тоби увидел в зеркале заднего вида, как аптека медленно уходит назад, будто городок, пропустив их, снова закрылся на замок.

— Тут все спят, что ли? — спросил Тоби.

— Тут мало кто живёт, — сказал отец. — И это хорошо.

Он свернул налево, потом направо, потом ещё раз налево, и дома вокруг становились всё реже, всё старее, пока не остался один-единственный переулок — тупиковый, как обрубленный палец. Асфальт кончился, пошла щебёнка, и колёса захрустели так громко, что Тоби вздрогнул.

В конце улицы стоял дом.

Не старый и не новый — просто дом, каких тысячи: два этажа, серая обшивка, крыльцо с шаткими ступенями, окна, забитые изнутри газетами. Двор был запущен, трава стояла по пояс, у забора валялась перевёрнутая тачка. Но что-то в этом доме было не так — что-то в том, как он стоял, чуть отвернувшись от дороги, будто ему было стыдно, что его продали так дёшево.

Отец заглушил мотор. Тишина обрушилась сразу, полная, без единой птицы.

— Ну вот, — сказал он. — Приехали.

Тоби вышел из машины. Воздух был холодный и сырой, и пахло не городом, а землёй и мокрой хвоей. Он потянулся, разминая спину, оглянулся на улицу, по которой они приехали, — и вот тогда увидел.

Дом напротив.

Он был точно такой же, как их: серый, двухэтажный, с крыльцом. И на крыльце сидел человек.

Тоби прищурился. Мужчина лет пятидесяти, в ковбойской шляпе с продавленными полями и в клетчатом пледе, накинутом на плечи. Он сидел в инвалидной коляске, и колёса её были повёрнуты так, чтобы смотреть прямо на их дом. Лица было не разобрать, но Тоби готов был поклясться: мужчина смотрит на них. Не просто смотрит. Изучает.

— Пап, — тихо сказал Тоби. — Там человек.

Отец выгружал из багажника сумку. Он поднял голову, посмотрел через дорогу и на секунду замер — всего на секунду, но Тоби заметил, как у него дёрнулась челюсть.

— Вижу, — сказал отец. — Не обращай внимания.

— Он в коляске.

— Я вижу, Тоби.

— Он на нас смотрит.

— Тут все на всех смотрят. Это деревня.

Отец взял сумку и пошёл к дому, и его шаги по щебёнке были слишком быстрыми, слишком ровными — как у человека, который заставляет себя не оборачиваться. Тоби ещё постоял, глядя на крыльцо напротив.

Мужчина в коляске не двигался. И вот тогда — только на мгновение, только на один короткий вздох — в его руках блеснуло что-то. Маленькое, круглое, стеклянное. Линза.

Бинокль.

Тоби показалось, что он чувствует этот взгляд кожей — как холодное прикосновение между лопаток.

— Тоби! — позвал отец от крыльца. — Хватит стоять. Иди помоги.

Он пошёл. Но на верхней ступеньке всё-таки обернулся.

Мужчина в ковбойской шляпе опустил бинокль на колени. И хотя лица его было не разобрать, Тоби был уверен: он улыбается.

Внутри дом оказался ещё хуже, чем снаружи. Пахло пылью и мышами, обои в коридоре вздулись пузырями, а на кухне кран капал с такой методичностью, что через пять минут начинало ломить зубы. Отец ходил по комнатам, распахивал окна, что-то бормотал себе под нос — и делал это слишком бодро, слишком громко, как человек, который боится тишины.

Тоби достал из сумки свои вещи: пару книг, наушники, старый телефон без симки. Он разложил их на подоконнике в комнате на втором этаже — и подошёл к окну.

Отсюда дом напротив был виден как на ладони.

Мужчина всё сидел на крыльце. Плед сполз у него с плеч, но он не поправлял его. Он смотрел в сторону их окон — и Тоби вдруг понял, что если отойти на шаг назад, то с улицы его не будет видно, а он будет видеть всё.

Он отступил. И стоял в темноте комнаты, глядя через дорогу, пока внизу отец гремел кастрюлями и насвистывал какую-то старую песню.

«Не обращай внимания», — сказал отец.

Но Тоби было семнадцать, и он ещё не умел не обращать внимания. Он умел только смотреть.

И когда мужчина в коляске медленно поднял руку и помахал ему — прямо ему, в это окно, — Тоби не отшатнулся. Он просто стоял и смотрел, как в темноте напротив шевелится белая ладонь.

А потом внизу хлопнула дверь, и отец крикнул:

— Тоби! Спускайся. Я нашёл нам чайник.

И Тоби пошёл вниз, но по дороге поймал себя на мысли, которую потом будет вспоминать всю жизнь:

Он знает, что мы приехали. Он ждал.

Кого?

Ночью Тоби не спал.

Дом скрипел. Это было обычное дело — старые дома всегда скрипят, — но здесь каждый звук был как шаг: то на чердаке, то в коридоре, то прямо под окном. Тоби лежал на продавленном матрасе, укрывшись курткой, и смотрел в потолок, по которому ползли тени от фар редких машин. Машин не было. Тени всё равно ползли.

Около двух часов он встал и подошёл к окну.

Дом напротив был тёмным. Ни одного огня. Но на крыльце, в самой темноте, угадывался силуэт — неподвижный, как надгробие. Мужчина в ковбойской шляпе всё ещё сидел там.

И тогда Тоби понял, что тот смотрит не на их дом.

Тот смотрит прямо в это окно. Прямо на него.

Он не отступил. Он стоял и смотрел в ответ — минуту, две, пять, — и где-то на границе слышимости, за всеми скрипами и каплями, ему почудился звук. Тихий. Ровный.

Смех.

Тоби закрыл окно, задёрнул штору и лёг. Но до самого утра он лежал с открытыми глазами, слушая, как внизу, в гостиной, отец ходит из угла в угол — туда и обратно, туда и обратно, — будто караулит что-то, что уже вошло в дом.

Глава 2. Человек с биноклем

Утром Лутон-таун оказался не таким мёртвым, как ночью. Тоби проснулся от того, что где-то далеко тарахтел трактор, и лежал, слушая этот звук, как музыку. В доме пахло не пылью, а кофе — отец уже встал и гремел на кухне. Это было привычно. Отец всегда вставал раньше и всегда варил кофе слишком крепкий, от которого у Тоби сводило живот, но он пил, потому что не хотел его обижать.

Он спустился. Отец стоял у окна с кружкой в руках и смотрел через дорогу.

— Доброе утро, — сказал Тоби.

Отец не вздрогнул, но что-то в его плечах изменилось — будто он на секунду забыл, что он не один.

— Доброе, — сказал он. — Кофе на плите.

Тоби налил себе, сел за стол и тоже посмотрел в окно. Дом напротив был пуст. Коляска на крыльце отсутствовала. Только плед, забытый на перилах, висел, как сброшенная кожа.

— Он ушёл, — сказал Тоби.

— Кто?

— Ну, тот, в коляске.

Отец отпил кофе. Слишком долго не отвечал.

— Тоби, — наконец сказал он. — Я хочу, чтобы ты меня услышал. Держись от него подальше.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

Это было то, что отец говорил редко и всегда с такой интонацией, что спорить не хотелось. Тоби опустил глаза и кивнул. Но когда отец повернулся к плите, он снова посмотрел в окно.

— Мне надо в магазин, — сказал отец. — Провода, гвозди, в общем, всякая дрянь. Хочешь со мной?

— Я лучше тут разберусь. — Тоби обвёл рукой коробки, стоящие в углу. — Разложу вещи.

Отец помолчал. Потом взял ключи, надел куртку и остановился в дверях.

— Тоби.

— Да?

— Я серьёзно. Через дорогу не ходи.

— Хорошо.

Дверь закрылась. Машина завелась, захрустела щебёнкой и уехала. И дом вдруг стал очень большим и очень тихим.

Тоби разбирали коробки около часа. Он повесил на стену плакат с картой мира, который возил с собой с четвёртого класса, — карта поистрепалась, но он любил её. Он расставил книги. Он вымыл окно. А потом снова подошёл к нему.

Дом напротив молчал. Двор был пуст. И всё же Тоби поймал себя на том, что смотрит, как дурак, уже минут десять, и что-то внутри у него не отпускает.

Он взял свою куртку.

На улице было свежо. Ветер гнал по щебёнке сухие листья, и где-то в глубине леса стучал дятел. Тоби постоял на крыльце, подышал, потом перешёл дорогу — просто чтобы посмотреть. Ну и что. Он же не заходит внутрь. Он просто пройдёт мимо.

Дом напротив оказался ещё старше, чем казался. Краска на обшивке облупилась пластами, крыльцо осело, и одна ступенька была подпёрта кирпичом. На двери висел венок из сухих еловых веток, весь серый от времени. А на перилах, там, где ночью лежал плед, сейчас ничего не было.

Тоби постоял, глядя на пустое крыльцо. Коляски не было. И тут он услышал — за домом, у сарая, — глухой стук. Будто кто-то колот дрова.

Он обошёл дом по траве и замер.

Мужчина в ковбойской шляпе стоял у поленницы. Без пледа, в простой фланелевой рубашке, с топором в руках. Рядом на чурбаке лежала откинута инвалидная коляска — пустая, сложенная, будто её вынесли сюда и забыли.

Он поднял топор и опустил его на полено. Одно движение — ровное, сильное, отработанное. Полено разлетелось пополам.

Тоби застыл.

Мужчина опустил топор. Обернулся. И в его лице не было ни удивления, ни смущения — только спокойное, изучающее внимание.

— Заблудился?

Голос был низкий, с лёгкой хрипотцой. Вблизи было видно, что он вовсе не такой старый, как казалось ночью. Крепкий, широкий в плечах, с мозолистыми руками, с глубоким шрамом под левым глазом. И глаза светлые, ясные, как у человека, который давно знает, что делает.

— Нет, — выдавил Тоби. — Я тут живу. Теперь. — И, не удержавшись, выпалил: — А где коляска?

Мужчина посмотрел на коляску. Потом на Тоби. Долго, без злобы.

— Спит, — сказал он наконец. — Вещь нужная, но не всегда.

— Вы шутите.

— Я не шучу, Тоби. — И, увидев, как мальчик вздрогнул, добавил: — Да. Я знаю, как тебя зовут. Ты — Тоби Харпер. Тебе семнадцать. Ты приехал с отцом.

Тоби отступил на шаг. Ветер бросил ему в лицо листья.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю многое, — сказал мужчина. — Я Дерек Бранс. Я живу здесь двадцать лет, и за двадцать лет здесь мало что происходит. Так что да, я знаю, кто приехал. — Он помолчал. — И знал твоего отца ещё мальчишкой.

Тоби уставился на него.

— Вы знали отца?

— Знал. — Дерек снова взялся за топор. — И знаю, зачем вы приехали. Он ведь не сказал тебе, зачем, правда?

— Он сказал. Жить. На пенсии.

Дерек кивнул, будто услышал что-то ожидаемое.

— Ну да. На пенсии. — Он посмотрел на лес за своей спиной, потом снова на Тоби. — Ты когда-нибудь был в лесу за нашими домами?

— Нет.

— Славный лес, — сказал Дерек. — Только в нём есть одно место. — Он указал рукой куда-то вглубь, где деревья смыкались так плотно, что не было видно ни неба, ни земли. — Там, где даже птицы не поют. Если ты когда-нибудь захочешь узнать, зачем на самом деле приехал твой отец, приходи. Я покажу.

— Зачем вы это делаете? — сказал Тоби, и голос его дрогнул. — Вы же меня не знаете.

Дерек долго смотрел на него. И вдруг улыбнулся — не страшно, а устало.

— Потому что однажды я был на твоём месте, Тоби. — Он поднял топор и воткнул его в чурбак. — Я тоже не знал. А надо было.

Он отвернулся и пошёл к сараю. И Тоби, стоя у забора, вдруг заметил, как он идёт — ровно, уверенно, совсем не так, как человек, которому нужна коляска. А на спине у него под рубашкой перекатывались старые шрамы — длинные, белые, как от когтей.

Отец вернулся через час. Тоби сидел на полу в гостиной, окружённый коробками, и делал вид, что разбирает их. Он не сказал про Дерек. Сам не знал почему. Может, потому что не хотел, чтобы отец сердился. А может, потому что где-то в самом низу живота у него сидела мысль, тонкая, как игла: «А что, если Дерек прав?»

— Ты чего такой? — спросил отец, ставя пакеты на стол.

— Ничего. Устал.

— А, — сказал отец. И вдруг сел рядом с ним на пол, прямо в куртке, и это было так неожиданно, что Тоби замер. Отец редко садился на пол. Он всё делал быстро, всегда стоя, всегда на ходу.

— Слушай, — сказал он. — Про маму.

Тоби напрягся. Отец никогда не говорил про маму сам. Никогда.

— Она поправится, — сказал отец. — Врачи говорят, у неё бывают хорошие периоды. Я думаю, мы к зиме сможем её навестить.

— Я знаю, как это бывает, — сказал Тоби. — Я туда ездил.

Отец кивнул. Помолчал. И вдруг сказал совсем тихо:

— Если я когда-нибудь сделаю что-то, чего ты не поймёшь, — ты меня всё равно не бросай. Ладно?

Тоби посмотрел на него. У отца было такое лицо, будто он только что сказал что-то гораздо важнее, чем прозвучало.

— Ладно, — сказал Тоби.

Отец кивнул, встал и пошёл на кухню, и снова стал тем же, что всегда — быстрым, деловитым, слишком громким. А Тоби сидел на полу и думал, что никогда в жизни не слышал, чтобы отец просил его о чём-то.

И ещё он думал про Дерек Бранса, про шрамы у него на спине и про место в лесу, где не поют птицы.

Ночью он не удержался. Подошёл к окну, отодвинул штору и посмотрел через дорогу.

На крыльце горел один фонарь. В его свете на кресле сидел Дерек Бранс, в шляпе, с пледом на коленях, и читал книгу. Он не смотрел в сторону дома Тоби. Ни разу. Он просто читал.

И всё-таки Тоби был уверен: он знает, что Тоби на него смотрит.

Глава 3. Дом напротив

Три дня Тоби держался.

Он разбирал коробки, чинил вместе с отцом крыльцо, ездил в магазин за продуктами, и всё это время старался не смотреть в окно второго этажа. Получалось плохо. Он ловил себя на

том, что, проходя мимо, всё равно бросает взгляд через дорогу — как человек, который знает, что в комнате есть зеркало, и всё равно каждый раз в него смотрит.

Дерек Бранс не появлялся. Коляска стояла на крыльце пустая, плед висел на перилах, и дом напротив был тих, как могила. Но Тоби чувствовал его присутствие постоянно, как чувствуешь в темноте чужое дыхание.

На четвёртый день отец уехал в город — сказал, что надо оформить бумаги на дом и заодно купить материалы для крыши. Вернётся к вечеру.

— Сиди дома, — сказал он, садясь в машину.

— Хорошо.

— Тоби.

— Я понял. Через дорогу не ходить.

Отец посмотрел на него долгим взглядом. И уехал.

Тоби продержался до полудня. Потом надел куртку и вышел на крыльцо. Ветер стих, воздух был неподвижный и тёплый, и в лесу снова стучал дятел — как будто кто-то отбивал морзянку.

Дом напротив ждал.

Он перешёл дорогу. На этот раз двор не казался пустым — у сарая на чурбаке сидел Дерек. Без шляпы, с кружкой в руках. Коляска стояла рядом, у стены. Увидев Тоби, он не удивился. Просто кивнул, как будто ждал его всё это время.

— Я думал, ты раньше придёшь, — сказал он.

— Я не мог, — сказал Тоби. — Отец был дома.

— Разумно.

Дерек поднялся. И снова Тоби бросилось в глаза, как легко и уверенно он это делает — как человек, который каждый день ходит, бегают и, наверное, поднимает тяжести. Коляска у стены была накрыта пледом, чтобы никто не видел пустого кресла.

— Пойдём, — сказал Дерек.

— Куда?

— В лес.

Тоби заколебался. Где-то внутри него, в самом тёмном углу, сидел голос отца: «Держись от него подальше». Но был ещё другой голос, потише, и он спрашивал: «А что, если он знает что-то, чего не знаешь ты?»

— Вы сказали, что знали отца мальчишкой, — сказал Тоби. — Что это значит?

Дерек поставил кружку на чурбак.

— Это значит, что я видел его в тот день, когда он впервые сделал то, что потом делал всю жизнь. — Он посмотрел Тоби прямо в глаза. — Ты хочешь знать правду или хочешь и дальше думать, что твой отец — святой?

— Я не думаю, что он святой.

— Хорошо. Тогда пойдём.

Они вошли в лес.

Тропинка была узкая, едва заметная, и деревья смыкались над головами так плотно, что свет стал серым, как в сумерках. Дерек шёл впереди, и Тоби с удивлением заметил, что он не продирается сквозь ветки, а идёт так, будто знает каждую корягу наизусть. Он ходил здесь много раз. Много лет.

— Вы здесь часто бываете? — спросил Тоби.

— Раньше часто, — сказал Дерек. — Теперь реже. Теперь я больше сижу и жду.

— Чего?

Дерек не ответил.

Они шли минут десять. Лес вокруг становился всё темнее и тише, и в какой-то момент Тоби поймал себя на том, что не слышит ни птиц, ни ветра. Только их шаги и своё дыхание.

— Здесь, — сказал Дерек.

Он остановился на маленькой прогалине. Земля здесь была темнее, чем вокруг, и трава росла неровно, будто её что-то тревожило изнутри. Дерек опустился на колени, взял лопату, которую принёс с собой, и начал копать.

Тоби стоял и смотрел.

Дерек копал молча, ровными, привычными движениями, будто делал это сотню раз. Земля отлетала в сторону. Через пару минут лопата звякнула обо что-то твёрдое.

— Помоги, — сказал Дерек.

Тоби опустился рядом. Они вдвоём откинули землю — и под ней показалась коробка. Жестяная, старая, из-под печенья. Вся в земле и ржавчине, но крепкая, с плотной крышкой.

— Открывай, — сказал Дерек.

Руки у Тоби дрожали. Он взялся за крышку, потянул. Она поддалась с сухим скрежетом.

Внутри лежали зубы.

Белые, маленькие, аккуратно сложенные рядками, как семечки в пакетике. Тоби отшатнулся и упал на спину.

— Господи, — прошептал он. — Что это? Что это такое?

— Это Эмили Роуз, — сказал Дерек. — Ей было семнадцать. Твой отец убил её тридцать один год назад и вырвал ей зубы. Он хранил их. — Он помолчал. — Он до сих пор их хранит. Просто теперь это лежит здесь.

Тоби не мог дышать. Он смотрел на коробку, и в голове у него была одна мысль, глупая, детская: «Это неправда. Это какой-то розыгрыш. Он хочет меня напугать».

— Зачем вы мне это показываете? — выдавил он.

— Потому что ты должен знать, куда приехал. — Дерек присел на корточки рядом с ним. — Потому что он привёз тебя сюда, и он не остановится. И потому что, когда я был в твоём возрасте, мне никто не показал такую коробку. Я увидел всё сам, в темноте, и тридцать один год не мог себе этого простить.

— Вы врёте, — сказал Тоби. — Вы всё врёте. Мой отец не мог...

— Твой отец убил двадцать три девушки, Тоби. Двадцать три. В каждом городе, где вы жили. — Дерек говорил тихо, ровно, без злобы. — Я тридцать один год собирал газеты. Я знаю их имена. Я знаю, где их нашли. Я знаю, что у всех у них не хватало зубов.

Тоби закрыл лицо руками. Внутри у него что-то рушилось — медленно, как стена, которую подмыло водой. Он вспомнил, как отец улыбался, как варил ему кофе, как говорил: «Ты меня не бросай». И одновременно вспомнил переезды — один, второй, третий, четвёртый. Каждый раз — новый город. Каждый раз — тихо, быстро, без объяснений.

— Вы хотите, чтобы я вам помог, — сказал он наконец. — Вы поэтому всё это делаете. Хотите, чтобы я был на вашей стороне.

Дерек посмотрел на него. И вдруг улыбнулся — той же усталой улыбкой, что и в первый раз.

— Нет, Тоби. Я не хочу, чтобы ты был на моей стороне. — Он поднялся. — Я хочу, чтобы ты знал правду. Что ты с ней сделаешь — это твой выбор. Но если ты решишь, что тебе нужны все доказательства, все двадцать три, — приходи в дом напротив. Я покажу тебе всё.

Он взял лопату и пошёл назад, к дому. Не оборачиваясь.

Тоби ещё долго сидел на земле перед открытой коробкой. Потом закрыл её, закопал яму — как мог, криво, торопливо — и побежал домой.

Дома он первым делом поднялся на второй этаж и подошёл к окну. Дерек сидел на крыльце, в коляске, с пледом на коленях, и читал книгу. Как будто ничего не произошло. Как будто он просто сосед, который вышел подышать воздухом.

А через час вернулся отец. Весёлый, с пакетами, с какими-то досками в багажнике.

— Ну что, — сказал он с порога. — Как день?

Тоби посмотрел на него. На его усталое лицо, на складку между бровей, на руки, которые столько раз держали его, Тоби, за плечи.

— Нормально, — сказал он. — Разбирал вещи.

И впервые в жизни он соврал отцу — легко, гладко, не дрогнув.

Глава 4. Двадцать три

Тоби не спал всю ночь.

Он лежал в темноте и слушал, как внизу отец ходит по гостиной — туда и обратно, туда и обратно. Раньше этот звук успокаивал. Теперь он казался шагами зверя в клетке. Тоби представлял, как отец останавливается у окна, смотрит через дорогу на дом Дерек и думает о том же, о чём думает он сам.

Утром он сказал, что пойдёт прогуляться. Отец кивнул, не поднимая глаз от газеты. И Тоби перешёл дорогу.

Дерек ждал его на крыльце — в коляске, с пледом, как всегда. Но когда Тоби поднялся по ступенькам, он откинул плед, встал и провёл его в дом. Внутри пахло старым деревом, табаком и чем-то ещё — чем-то сухим и горьким, как лекарство.

Гостиная была обычной. Диван, стол, полка с книгами, старая печка. Но одну стену Дерек закрыл не шкафом, а занавеской. Он отдернул её, и Тоби увидел карту.

Это была карта Соединённых Штатов, большая, во всю стену, вся истыканная булавками. Красными, синими, жёлтыми. И рядом с каждой булавкой — вырезка из газеты, приклеенная скотчем.

— Вот, — сказал Дерек. — Двадцать три.

Тоби подошёл ближе. Он читал заголовки, и каждый был как удар под дых.

«ПРОПАЛА ДЕВУШКА, 19 ЛЕТ. ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ВИДЕЛИ У ЛЕСА».

«ТЕЛО НАЙДЕНО В ОКРЕСТНОСТЯХ ГРЕЙ-ХОЛЛОУ».

«ПОЛИЦИЯ НЕ КОММЕНТИРУЕТ. СЕМЬЯ ПРОСИТ О ПОМОЩИ».

Он водил пальцем по карте. Вот Огайо, вот Западная Виргиния, вот Миссури, вот ещё, ещё, ещё. И везде одно и то же — девушки, лес, тела.

— Тридцать один год назад, — сказал Дерек, — я был мальчишкой. Мне было шестнадцать, как и ему. Я жил через два дома отсюда. И в ту ночь я пошёл в лес за ягодами — дурак, ночью, но мне было шестнадцать. — Он помолчал. — Я увидел, как он тащит её. Я видел, как он вырывает ей зубы. Я смотрел ему в глаза.

Тоби обернулся. Дерек стоял у стола, и лицо у него было спокойное, как у человека, который рассказывает это в тысячный раз.

— И вы убежали, — сказал Тоби.

— Я убежал. — Дерек кивнул. — Я добежал до дома, заперся в своей комнате и сидел до утра, трясясь. А утром пошёл к шерифу. Гаррету. Старик Гаррет выслушал меня, покивал, дал мне стакан воды — и ничего не сделал. А через неделю я получил письмо.

Он открыл ящик стола и достал помятый конверт. Тоби взял его. Внутри был один лист, сложенный вчетверо. Бумага пожелтела, буквы были написаны печатными, ровными, как у школьника.

«ЕЩЁ РАЗ ПОПЫТАЕШЬСЯ КОМУ-ТО РАССКАЗАТЬ — НАЙДУ И УБЬЮ. Я ЗНАЮ, ГДЕ ТЫ ЖИВЁШЬ. Я ЗНАЮ, КАК ЗОВУТ ТВОЮ МАТЬ».

Тоби опустил лист. Руки у него тряслись.

— Он знал, где вы живёте, — прошептал он.

— Он знал всё. Он был соседом. Он здоровался со мной на улице. — Дерек забрал письмо и убрал обратно в ящик. — Поэтому я пошёл в армию. Я решил, что если стану сильным, то смогу вернуться и всё исправить. Я служил пятнадцать лет. Я научился стрелять, драться, выживать в лесу. А когда вернулся, то первым делом пошёл в библиотеку и стал читать старые газеты. Год за годом. Город за городом. — Он обвёл рукой карту. — Двадцать три, Тоби. Двадцать три девушки. И каждый раз, когда он переезжал, в новом городе через месяц-другой пропадала девушка.

Тоби сел на стул. Ноги его не держали.

— Почему вы не пошли в полицию? — спросил он. — С этой картой, с коробкой...

— Потому что коробку я нашёл только в этом году, — сказал Дерек. — А до этого у меня были только газеты. Газеты и мои глаза. — Он помолчал. — И ещё потому, что один раз я уже сходил к шерифу.

Тоби понял. Он сидел на стуле и смотрел на карту, и в голове у него всё складывалось — медленно, как головоломка, которую он не хотел собирать.

— Вы поэтому купили этот дом, — сказал он. — Вы ждали, когда он вернётся.

— Я ждал тридцать один год, — сказал Дерек. — Ты не представляешь, что это такое — ждать тридцать один год.

Тоби поднял на него глаза.

— А зачем вам я?

Дерек долго молчал. Потом подошёл и сел напротив, и его светлые глаза были совсем близко.

— Потому что я старею, Тоби. И потому что я не могу убить его. Если я его убью — это будет просто убийство, и никто никогда не узнает про двадцать три девушки. Я хочу, чтобы правда вышла наружу. А для этого мне нужен кто-то, кому он верит. — Он помолчал. — Кто-то, кто сможет сказать: «Я видел. Я знаю. Это мой отец».

Тоби встал. Он чувствовал, что его сейчас стошнит.

— Я не могу, — сказал он. — Вы не понимаете. Он мой отец. Он меня вырастил. Он...

— Я знаю, — сказал Дерек. — Поэтому я и не тороплю тебя.

Тоби вышел из дома и перешёл дорогу. Дома он поднялся к себе, лёг на матрас и лежал, глядя в потолок.

А вечером отец позвал его ужинать. Они ели на кухне, и отец рассказывал про крышу, про то, что нашёл хорошего плотника, про то, что к зиме надо утеплить окна. Он был обычным. Он был тем самым отцом, которого Тоби знал всю жизнь.

И Тоби смотрел на его руки — на эти большие, спокойные руки, которые держали вилку, — и думал: «Сколько раз эти руки вырывали зубы?»

— Ты чего не ешь? — спросил отец.

— Не хочу.

— Заболел?

— Устал.

Отец посмотрел на него внимательно. И вдруг сказал:

— Ты сегодня ходил через дорогу?

Тоби замер. Сердце у него упало куда-то вниз.

— Нет, — сказал он. — Не ходил.

Отец кивнул и вернулся к еде. Но Тоби видел, как у него дёрнулась челюсть — точно так же, как в первый день, когда он увидел Дерека на крыльце.

Глава 5. То, что лежит в коробке

Тоби не поверил Дереку сразу. Он был ещё не в том возрасте, чтобы верить незнакомцам с коробкой зубов, — и не в том, чтобы не верить.

Он решил проверить сам.

Случай представился через два дня. Отец уехал в соседний город за стройматериалами и сказал, что вернётся к вечеру. Тоби проводил его до машины, помахал вслед, а когда «форд» скрылся за поворотом, вернулся в дом и первым делом закрыл все шторы. Потом поднялся на второй этаж, в комнату отца.

Он никогда раньше не рылся в чужих вещах. От этого было тошно, как от лекарства. Но он всё равно открыл шкаф.

В шкафу висели рубашки — много рубашек, все одинаковые, клетчатые. На полке лежали аккуратно сложенные свитера. Внизу стояла обувь. Ничего странного. Тоби уже хотел закрыть дверцу, когда заметил, что задняя стенка шкафа чуть светлее остальных. Он нажал на неё — и она подалась. Фальшивая панель. За ней было пустое пространство, а в нём — жестяная коробка.

Сердце у Тоби остановилось.

Он вытащил её. Коробка была точно такая же, как та, в лесу, — из-под печенья, только новее. Он открыл крышку.

Внутри лежали зубы.

Тоби отшатнулся. Коробка выскользнула у него из рук, зубы рассыпались по полу — белые, мелкие, стучащие, как камешки. Он стоял над ними, и его трясло так, что он не мог даже заплакать.

Значит, правда. Всё правда.

Он собрал зубы обратно — не руками, а совком, которым подметал в комнате, — ссыпал в коробку и поставил её на место. Потом привёл в порядок шкаф, закрыл дверцу и сел на пол.

Он сидел так, наверное, час.

А потом встал, спустился вниз, перешёл дорогу и постучал в дверь Дерекы.

Дерек открыл сразу, будто стоял за дверью.

— Ты нашёл, — сказал он. Не спросил. Сказал.

— Да, — сказал Тоби. Голос у него был чужой, охрипший. — Нашёл. За фальшивой стенкой в шкафу. Там двадцать три пары. Я считал.

Дерек кивнул и отступил в сторону.

— Заходи.

Они сидели на кухне. Дерек налил ему воды, но Тоби не пил. Он смотрел в стол и говорил — медленно, как будто каждое слово вытаскивал из себя клещами.

— Значит, вы не ввали.

— Не врал.

— И вы всё это время знали.

— Знал.

Тоби поднял на него глаза.

— А почему вы не убили его сами? — спросил он. — Вы же военный. Вы же готовились. Вы могли просто прийти и...

— Мог, — сказал Дерек. — Но тогда я был бы таким же, как он. А я хочу, чтобы его судили. Чтобы весь город узнал, кто он. Чтобы матери этих девушек узнали, что случилось с их дочерьми. — Он помолчал. — И потом, убить его — это легко. А вот жить потом с этим — нет.

Тоби опустил голову.

— Я не знаю, что мне делать, — сказал он.

— Я знаю, — сказал Дерек. — Ты должен жить дальше. Но ты не должен позволить ему сделать это снова.

— Как я могу ему помешать? Он мой отец. Он... — Тоби замолчал, потому что понял, что не знает, что сказать дальше.

— Он твой отец, — согласился Дерек. — Но ты — не он. И это самое важное, что ты должен помнить.

Тоби вернулся домой к вечеру. Он поднялся к себе, лёг и закрыл глаза. В голове у него было пусто, как в выкопанной яме.

А ночью он проснулся от того, что внизу кто-то ходит.

Он спустился по лестнице — тихо, босиком, — и замер на последней ступеньке. Дверь в комнату отца была приоткрыта. Внутри горел свет. Тоби заглянул в щель.

Отец сидел на кровати, и перед ним на одеяле лежала та самая коробка. Открытая. Он перебирал зубы пальцами — медленно, аккуратно, как человек, который перебирает чётки. Лицо у него было спокойное. Даже умиротворённое. И он что-то тихо говорил — Тоби не разобрал слов, только интонацию, нежную, почти колыбельную.

Тоби отшатнулся от щели, и половица под его ногой скрипнула.

Свет в комнате погас. Мгновенно.

Тоби застыл. Он стоял в темноте коридора и слышал, как отец поднимается с кровати. Как скрипит матрас. Как босые ноги ступают по полу — раз, два, три.

— Тоби? — сказал голос из-за двери. Тихий. Спокойный.

Тоби не ответил. Он стоял, вжавшись в стену, и не дышал.

Дверь открылась.

Отец стоял в проёме, и свет из коридора падал ему на лицо. Он смотрел прямо на Тоби — и улыбался.

— Не спится? — спросил он.

— Я... — Тоби сглотнул. — Я воды хотел.

— Воды? — Отец кивнул. — На кухне. Пошли, я налью.

Он прошёл мимо Тоби к лестнице, и Тоби шёл за ним, чувствуя, как у него между лопатками ползёт холод. На кухне отец налил ему воды из графина. Подал стакан. Тоби взял.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. — Отец стоял, прислонившись к столу, и смотрел на него. — Ты последнее время сам не свой. Что-то случилось?

— Нет. Всё нормально.

— Ты меня не обманываешь?

Тоби поднял на него глаза. И вдруг, неизвестно откуда, у него вырвалось:

— Пап, а что в той коробке?

Тишина. Долгая, как провал.

Отец не изменился в лице. Он только чуть наклонил голову, как человек, который услышал что-то интересное.

— В какой коробке, Тоби?

— У тебя в комнате. За шкафом.

Отец помолчал. Потом улыбнулся — мягко, устало, как улыбаются ребёнку, который задал глупый вопрос.

— Это старые вещи, — сказал он. — От мамы. Она собирала всякие мелочи. Я не люблю об этом говорить. — Он помолчал. — А ты что, лазил в мой шкаф?

Тоби не ответил.

— Тоби, — сказал отец, и голос у него стал твёрже. — Ты лазил в мой шкаф?

— Нет, — сказал Тоби. — Я просто... увидел, что дверца открыта.

Отец смотрел на него. Долго. Потом кивнул и отвернулся к раковине.

— Иди спать, — сказал он. — Уже поздно.

Тоби поднялся к себе. Лёг. И до утра лежал с открытыми глазами, слушая, как внизу отец ходит из угла в угол — туда и обратно, туда и обратно, — и на этот раз он точно знал, о чём тот думает.

Глава 6. Разговор на кухне

После той ночи в доме что-то изменилось. Не снаружи — снаружи всё было как прежде: отец чинил крышу, ездил за материалами, варил кофе по утрам. Но между ними теперь стояла стена, тонкая и прозрачная, как стекло. Они разговаривали, шутили, ели за одним столом — и оба знали, что стекло есть. И оба делали вид, что нет.

Тоби перестал спать. Он ложился, закрывал глаза и лежал, прислушиваясь к каждому звуку в доме. Иногда ему казалось, что он слышит, как отец стоит под его дверью. Иногда — что слышит, как тот перебирает зубы в темноте.

А днём он ходил к Дереку.

Это стало привычкой. Почти ритуалом. Он переходил дорогу, поднимался на крыльцо, и Дерек уже ждал — с двумя кружками чая, с картой на стене, с газетами, разложенными на столе. Он никогда не давил. Не говорил: «Ты должен». Он просто показывал. И Тоби смотрел.

Они разбирали имена. Дерек знал их все наизусть — двадцать три имени, как молитву. Эмили Роуз. Сара Клайн. Джулия Пенн. Ханна Уорд. Он рассказывал, кто они были, где учились, что любили. И Тоби слушал, и с каждым именем в нём что-то менялось — понемногу, как трещина в льду.

— Ты знаешь, что самое страшное? — сказал однажды Дерек. — Не то, что он их убил. А то, что он делал это и потом возвращался домой. Ужинал. Смотрел телевизор. Целовал тебя на ночь. Вот это самое страшное.

Тоби ничего не ответил. Он думал о том, что тоже так жил. Семь лет — в одном городе, три — в другом, два — в третьем. И всегда рядом.

На девятый день отец вернулся с работы раньше обычного. Тоби как раз переходил дорогу — от дома Дерек к своему, — и они столкнулись на середине улицы.

Отец остановился. Посмотрел на него. Потом — через плечо Тоби, на дом напротив, на крыльцо, где сидел Дерек в своей коляске.

— Иди в дом, — сказал отец.

Голос у него был ровный, но Тоби уже научился слышать в нём то, что раньше не слышал. Лёд.

Они вошли. Отец закрыл дверь. Снял куртку, повесил на крючок. Прошёл на кухню, налил себе воды, выпил. И только потом обернулся.

— Я же просил тебя, — сказал он. — Я же просил тебя держаться от него подальше.

— Пап...

— Не «пап». Я тебя спросил? Я тебя спросил — не ходи через дорогу. Ты сказал «хорошо».

— Я...

— Ты соврал. — Отец смотрел на него, и глаза у него были холодные, как у чужого человека. — Ты мне соврал, Тоби.

Тоби молчал. В горле у него пересохло.

— Что он тебе рассказал? — спросил отец. — Ну? Он тебе рассказал, какой я плохой? Он тебе рассказал, что я убийца?

Тоби смотрел на него и не мог выговорить ни слова.

— Он тебе рассказал, — сказал отец, и вдруг голос у него сорвался на крик, — что я вырывал зубы у девчонок?!

Тишина. Такая, что зазвенело в ушах.

Тоби смотрел на отца. И впервые за все эти дни увидел не своего папу, не усталого человека с добрыми руками, а кого-то другого. Кого-то, кто стоял перед ним с побелевшим лицом и ждал ответа.

— Да, — сказал Тоби. — Рассказал.

Отец отшатнулся. Будто его ударили.

— Пап, — сказал Тоби, и голос у него дрожал. — Пап, скажи, что это неправда. Скажи мне, что он врёт. Просто скажи — и я поверю.

Отец открыл рот. Закрыл. Отвернулся к окну.

— Это неправда, — сказал он наконец. — Конечно, неправда. Он больной человек, Тоби. Он всё это придумал. Он тридцать лет сидит в этом доме и придумывает.

— Тогда почему у тебя в шкафу зубы?

Отец обернулся так резко, что Тоби отшатнулся.

— Ты лазил в мой шкаф, — сказал он. Уже не вопрос. Приговор.

— Да, — сказал Тоби. — Лазил.

Отец шагнул к нему. Тоби попятился и упёрся спиной в стену коридора.

— Ты понимаешь, что ты натворил? — сказал отец. Голос у него был тихий, страшный. — Ты понимаешь? Ты влез в мою жизнь. Ты влез в мои вещи. Ты пошёл к этому психу. Ты...

Он поднял руку. Тоби зажмурился.

Рука остановилась. Замерла в воздухе.

Отец стоял, тяжело дыша. Потом медленно опустил руку.

— Уйди, — сказал он. — Уйди с глаз моих.

Тоби ушёл к себе. Закрыв дверь на щеколду. Сел на пол. И только тогда позволил себе заплакать — тихо, беззвучно, зажимая рот ладонью.

Ночью он не спал. Он лежал и смотрел в потолок, и в голове у него было две картинки, которые никак не хотели совмещаться.

Первая: отец учит его ездить на велосипеде. Ему семь лет, он падает, разбивает колено, а отец поднимает его, отряхивает и говорит: «Не бойся. Я рядом».

Вторая: отец сидит на кровати в темноте и перебирает зубы. Медленно. Аккуратно. Как чётки.

Он не знал, какая из них настоящая.

А утром, когда он спустился, отца дома не было. На кухонном столе лежала записка, написанная печатными буквами:

«УЕХАЛ ПО ДЕЛАМ. ВЕРНУСЬ ВЕЧЕРОМ. НЕ ХОДИ ЧЕРЕЗ ДОРОГУ».

Тоби прочитал её три раза. Потом смял и бросил в мусорку. И пошёл через дорогу.

Дерек открыл ему дверь и сразу понял, что что-то произошло.

— Он тебя тронул? — спросил он.

— Нет, — сказал Тоби. — Не тронул. Но почти.

Дерек отступил в сторону.

— Заходи, — сказал он. — Нам надо поговорить.

Глава 7. План

Дерек не стал ходить вокруг да около.

Он усадил Тоби за стол, поставил перед ним чай — и положил на стол папку. Обычную картонную папку с завязками, какие бывают в архивах.

— Здесь всё, — сказал он. — Двадцать три имени. Двадцать три города. Даты. Газеты. Всё, что я собрал за тридцать один год.

Тоби открыл папку. Внутри были аккуратно подшитые листы, каждый в прозрачном файле. Вырезки, фотокопии, от руки написанные заметки. Он переворачивал страницы и чувствовал, как у него холодеют пальцы.

— И что с этим делать? — спросил он.

— Отнести в полицию. Не Гаррету — он старый и трусливый. В округ. Там есть люди, которые не побоятся. — Дерек помолчал. — Но есть одна проблема.

— Какая?

— Пока всё это — только бумажки. Газеты, совпадения, мои слова. Меня выслушают, покивают и положат на полку. — Он подался вперёд. — А вот если бы у них была коробка с зубами...

Тоби поднял на него глаза.

— Вы хотите, чтобы я вынес коробку.

— Да.

— Из шкафа отца.

— Да.

Тоби откинулся на спинку стула. В голове у него всё смешалось.

— Вы понимаете, что он со мной сделает, если узнает?

— Понимаю. — Дерек смотрел на него прямо. — Поэтому я не приказываю тебе. Я прошу. И если ты скажешь «нет» — я пойму. Я найду другой способ.

— Какой?

— Не знаю пока. Но найду.

Тоби опустил голову. Он думал о том, что коробка лежит в шкафу, за фальшивой стенкой, в двух метрах от кровати отца. Что отец просыпается ночью и перебирает эти зубы. Что он, Тоби, спит в соседней комнате и слушает.

— А если я это сделаю, — сказал он медленно, — что будет с ним?

— Его арестуют. Будут судить. — Дерек помолчал. — Ты должен понимать: его могут приговорить к смерти. В этом штате это возможно.

Тоби кивнул. Он это знал.

— А что будет со мной?

Дерек посмотрел на него с неожиданной мягкостью.

— Ты будешь жить, Тоби. Ты не отвечаешь за то, что сделал твой отец. Ты отвечаешь только за то, что сделаешь ты сам.

Тоби сидел и молчал. Потом сказал:

— Мне надо подумать.

— Думай, — сказал Дерек. — Только недолго. Он что-то заподозрил. Я видел, как он на меня смотрел. Если он поймёт, что ты мне помогаешь, — всё станет сложнее.

Тоби вернулся домой и до вечера просидел у себя в комнате. Он думал о двадцати трёх девушках. О двадцати трёх семьях, которые так и не узнали, что случилось с их дочерьми. О матерях, которые до сих пор ждут.

А потом он думал об отце. О том, как тот учил его плавать. Как сидел с ним в больнице, когда Тоби в десять лет сломал руку. Как говорил: «Ты у меня один. Больше никого нет».

Вечером вернулся отец. Он был тихий, какой-то притихший, и весь вечер почти не разговаривал. Они поужинали в молчании. Отец даже не спросил, где Тоби был днём.

А ночью Тоби не спал. Он лежал и ждал.

Около двух часов он услышал, как внизу открылась и закрылась дверь. Потом — шаги по гравии. Он подошёл к окну и увидел, как отец идёт через дорогу.

К дому Дерек.

Тоби замер. Сердце у него колотилось так, что, казалось, его слышно на улице. Отец подошёл к крыльцу, постоял. Потом поднялся на ступеньку и посмотрел в окно. Долго. Неподвижно.

А потом развернулся и пошёл обратно.

Тоби отскочил от окна и юркнул в постель. Он лежал, натянув одеяло до подбородка, и слушал, как отец возвращается в дом, как закрывает дверь, как поднимается по лестнице. Шаги остановились у его комнаты.

Дверь тихо скрипнула.

Тоби не дышал. Он лежал с закрытыми глазами, и чувствовал, как отец стоит в проёме и смотрит на него. Минуту. Две. Три.

Потом дверь закрылась. Шаги ушли.

Тоби открыл глаза и смотрел в потолок до самого утра.

А утром он перешёл дорогу, поднялся на крыльцо Дерекы и сказал:

— Я согласен. Я вынесу коробку.

Дерек кивнул. Лицо у него было серьёзное, без тени торжества.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда слушай. Сделаем это послезавтра. В субботу. Он уедет в город — я узнавал, у него назначена встреча. У тебя будет два часа. Ровно два. Потом я буду ждать тебя здесь, у себя. — Он помолчал. — И ещё одно, Тоби. Если что-то пойдёт не так — если он вернётся раньше, если он что-то заподозрит, — брось коробку и беги. Слышишь? Беги.

— Слышу, — сказал Тоби.

Он вышел от Дерекы и перешёл дорогу обратно. И только на середине улицы он вдруг понял, что только что сделал.

Он согласился предать отца.

Глава 8. Кухня

Дэвид Харпер не спал.

Было около трёх ночи, и дом стоял тихий, как вода в ведре. Тоби спал наверху. Дерек Бранс спал через дорогу — или притворялся, что спит. А Дэвид сидел на кухне, в темноте, и смотрел на стол.

На столе лежала коробка. Открытая.

Он не помнил, как достал её. Помнил только, что руки сами потянулись к шкафу, сами нажали на панель, сами вытащили жестянку. Как будто внутри него жил кто-то другой, кто знал, что делать, и делал это без него.

Он перебирал зубы пальцами. Медленно. Аккуратно. Они были гладкие и холодные, как речная галька.

И он вспоминал.

Ему было шесть, когда в доме появился отчим.

Его звали Рэй. Он был большой, широкий в плечах, с руками, как лопаты, и с улыбкой, которая поначалу казалась доброй. Мать смеялась тогда чаще. Она говорила: «Теперь у нас будет настоящая семья, Дэвид. Теперь всё будет хорошо».

Хорошо не стало.

Первые месяцы Рэй был тихий. Потом начал пить. Потом начал кричать. А потом — бить.

Дэвид помнил первый раз. Ему было семь. Мать не успела подать ужин вовремя — задержалась на работе, — и Рэй встал из-за стола, молча, и ударил её по лицу. Она упала. Он ударил ещё раз. И ещё.

Дэвид сидел за столом и смотрел. Он не мог двинуться. Он не мог даже закричать.

А потом Рэй обернулся к нему и сказал:

— А ты чего уставился? Иди в комнату.

И Дэвид пошёл. Как будто ничего не произошло. Как будто это было нормально.

Это повторялось.

Раз в неделю. Раз в две недели. Иногда — каждый день. Рэй бил мать за всё: за опоздание, за не тот ужин, за то, что она «слишком много говорит», за то, что она «слишком мало говорит». Иногда — просто так, потому что был пьян.

Дэвид научился распознавать признаки. Как Рэй хлопает дверцей шкафа. Как тяжело садится на стул. Как смотрит на мать — долго, неподвижно, как зверь перед прыжком.

В такие вечера Дэвид уходил в свою комнату. Запирался. Ложился на кровать и закрывал уши руками. Он слышал, как мать кричит, как Рэй орёт, как что-то падает.

А утром мать выходила с синяком под глазом и говорила:

— Всё хорошо, Дэвид. Всё хорошо. Не переживай.

Он не переживал. Он просто копил.

Ему было двенадцать, когда он впервые попробовал её защитить.

Рэй схватил мать за волосы и потащил через кухню. Она кричала. Дэвид вскочил со стула и закричал:

— Не трогай её!

Рэй остановился. Обернулся. Посмотрел на него — долго, с каким-то странным интересом.

А потом отпустил мать, подошёл к Дэвиду и ударил его так, что тот отлетел к стене.

— Ещё раз откроешь рот, — сказал Рэй спокойно, — и я тебя убью.

Он ушёл. Мать подбежала к Дэвиду, обняла его, заплакала:

— Не надо, сынок. Не надо. Не вмешивайся. Пожалуйста.

Дэвид лежал на полу, и у него из носа шла кровь. И он думал: «Она просит меня не защищать её. Она просит меня ничего не делать».

И он ничего не делал.

Ещё четыре года.

Ему было шестнадцать, когда что-то сломалось.

Он не помнил, что именно послужило поводом. Может, Рэй был пьянее обычного. Может, мать что-то сказала не так. Может, просто накопилось.

Он помнил, как Рэй схватил мать за горло и прижал к стене. Помнил, как она хрипела. Помнил, как он, Дэвид, стоял в дверях и смотрел.

А потом что-то внутри него щёлкнуло.

Он не помнил, как выбежал на улицу. Не помнил, как оказался на дороге. Помнил только холодный воздух, темноту и то, как в груди у него что-то горело — огромное, чёрное, голодное.

И тогда он увидел девушку.

Она шла по улице одна. Молодая. Светлые волосы. Она улыбнулась ему — просто так, из вежливости, — и что-то в этой улыбке стало последней каплей.

Он не помнил, как вытащил нож. Не помнил, как ударил. Помнил только, как она упала, и как он тащил её в лес, и как земля была холодная и мокрая.

Он вырвал ей зубы. Не знал зачем. Просто руки сделали это сами.

А потом он поднял голову и увидел мальчика.

Дерек Бранс стоял между деревьями и смотрел на него. Шестнадцатилетний, худой, с широко раскрытыми глазами.

Он улыбнулся ему.

И мальчик убежал.

Дэвид сидел на кухне и перебирал зубы. В темноте, один, в три часа ночи.

Он думал о том, что та девушка была первой. Но не последней. Он думал о том, что после того дня что-то в нём поселилось — что-то, что он не мог контролировать. Что-то, что просыпалось по ночам и требовало.

Он думал о матери. Она умерла через два года после того, как он ушёл из дома. Рэй переехал. Дэвид не был на похоронах.

Он думал о Тоби. О сыне, который спал наверху и не знал, кто его отец.

Он думал о Дерекке Брансе, который ждал через дорогу тридцать один год.

И он думал о том, что, может быть, всё это было зря.

Он закрыл коробку. Убрал её обратно в шкаф. Поднялся наверх.

У двери Тоби он остановился. Постоял. Послушал дыхание сына.

Потом пошёл к себе.

Глава 9. Суббота

Суббота началась с дождя.

Тоби проснулся от того, что капли барабанили по крыше — ровно, методично, как метроном. Он лежал и слушал, и ему казалось, что весь мир за окном превратился в серую стену воды.

Отец уезжал в десять.

— Ты точно не хочешь со мной? — спросил он, натягивая куртку. — В городе есть приличная закусочная.

— Не, — сказал Тоби. — Я лучше дома. Книгу читаю.

Отец посмотрел на него. Долго. И Тоби выдержал этот взгляд — хотя внутри у него всё сжалось в комок.

— Ладно, — сказал отец. — Вернусь к двум. Может, к трём.

Дверь закрылась. Машина завелась, захрустела гравием — и звук её мотора растаял в шуме дождя.

Тоби стоял посреди гостиной и слушал тишину. Потом посмотрел на часы.

Десять ноль три.

Он поднялся на второй этаж. Вошёл в комнату отца. Открыл шкаф. Нажал на заднюю стенку — она подалась, как в прошлый раз. Он вытащил коробку, и она показалась ему невероятно тяжёлой, хотя весила всего ничего.

Он спустился вниз, сунул коробку за пазуху, накинул куртку — и вышел под дождь.

Дом Дерёка был в тридцати шагах. Тоби шёл быстро, глядя под ноги, и вода стекала у него по лицу. Он уже почти дошёл до крыльца, когда услышал за спиной звук мотора.

Обернулся.

Машина отца стояла в конце улицы.

Медленно подъезжала.

Тоби замер. Коробка под курткой жгла его, как раскалённый металл. Он стоял посреди дороги, мокрый, с оттопыренной курткой, и смотрел, как машина приближается.

Она остановилась в двух метрах от него.

Стекло опустилось. Лицо отца было спокойное, как у человека, который всё-всё понял.

— Садись, — сказал он.

— Пап...

— Садись в машину, Тоби.

Тоби не двинулся. Дождь стекал ему за шиворот, и он чувствовал, как коробка под курткой становится всё тяжелее.

— Садись, — повторил отец. — Я не буду повторять.

И тут дверь дома напротив открылась.

Дерёк стоял на крыльце. В коляске. Плед на коленях, руки на подлокотниках, лицо спокойное, как у человека, который знал, что этот день придёт.

— Тоби, — сказал он. — Иди ко мне.

Отец вышел из машины.

Дождь заливал ему лицо, но он, казалось, этого не замечал. Он стоял между Тоби и крыльцом Дерёка, и в руке у него был нож — короткий, с широким лезвием, какой берут на охоту.

— Ты, — сказал он, глядя на Дерёка. — Я знал, что это ты. Тридцать один год. Тридцать один год ты меня преследовал.

— Я тебя не преследовал, — сказал Дерек. — Я ждал.

— Ждал, — повторил отец. — Ждал. А теперь ты решил забрать у меня сына?

Он пошёл к крыльцу. Быстро, размашисто, не сводя с Дерека глаз. Тоби видел, как отец сжимает нож, как напряжены у него плечи, — и понимал, что сейчас будет.

— Пап, не надо! — крикнул он.

Отец не обернулся.

Он поднялся на крыльцо. Дерек не двинулся — сидел в коляске, неподвижный, и смотрел на него снизу вверх.

— Ты больной старик, — сказал отец. — Ты тридцать один год сидел в этом кресле. Ты думал, что сможешь меня остановить?

— А ты думал, что я в кресле? — сказал Дерек.

Отец занёс нож.

И тогда

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.